

Борисов Аркадий Александрович

ЭКСПРЕССИОНИСТСКИЙ ВАРИАНТ ИСТОЛКОВАНИЯ РОЛИ ПРИРОДЫ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В статье раскрывается значимость пейзажа как средства оценки окружающей, прежде всего, социальной реальности в экспрессионистском художественном мире. Применительно к произведениям, относящимся к данному направлению, отмечается значительный текстокогерентный потенциал описания фитонимов, зоонимов, а также объектов неживой природы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/7-2/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 37-42. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

М. Спингар, «появление в речевой практике носителя языка новых стереотипов изменяет коммуникативную компетенцию носителя, но не иностранца, для которого актуальными остаются речевые стереотипы, почерпнутые из практики обучения языку или средств массовой информации» [6]. В этой связи можно вспомнить рассказ Ю. Энтина, автора стихов к советскому мультфильму «Голубой щенок», о смысловой переоценке названия фильма, произошедшей со времени его создания.

В практике обучения иностранному языку в неродной языковой среде неминуемо возникают вопросы методического характера: как овладеть определенными интерпретационными языковыми привычками социума и преодолеть барьер, состоящий из лакун, аллюзий, прецедентных текстов, различного рода коннотаций, понятных только тем, кто говорит на родном языке? И здесь вновь приходит на помощь антропологическая ориентация сепиристовского взгляда на язык [1]. Речь идет о формировании у людей, изучающих иностранный язык, лингвистической интуиции как непосредственного постижения «языковой формы». В работе «Грамматист и его язык» Э. Сепир называет интуицию «предощущением отношений» и полагает, что надо научить и научиться «включать механизмы, которые по своей природе резко отличны и от чувственной, и от рациональной сферы» [3, с. 151]. В этом плане приобретение языковых привычек изучающими иностранный язык в условиях неродной речевой среды представляется одним из актуальных направлений работы. Как бы предугадывая возможный вариант будущего развития лингвистики, Э. Сепир предупреждает о необходимости «вдохнуть в ее жизнь занятия, выходящие за пределы изучения только формального устройства языка» [5, с. 137].

Список литературы

1. Кибрик А. Е. Эдуард Сепир и современное языкознание // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс; Универс, 1993. С. 5-22.
2. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2007. 313 с.
3. Сепир Э. Грамматист и его язык // Языки как образ мира. М.: АСТ; СПб.: Terra fantastica, 2003. С. 139-156.
4. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс; Универс, 1993. 655 с.
5. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Языки как образ мира. М.: АСТ; СПб.: Terra fantastica, 2003. С. 127-138.
6. Спингар М. Р. Русские речевые стереотипы как единицы ментально-лингвального комплекса: их динамика и специфика в восприятии носителя афганской культуры [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. URL: <http://www.pandia.ru/140768/> (дата обращения: 18.04.2013).

THEORETICAL FOUNDATIONS OF TEACHING SITUATIONALLY CONDITIONED CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN ONE

Biryukova Anna Borisovna
University of North Texas
biranna77@gmail.com

The author presents the attempt of reading some E. Sapir's texts in terms of linguo- culturology, emphasizes the main ideas which are interpreted as possible basic postulates in the practice of teaching the Russian language as foreign one, and undertakes the attempt to apply the idea of speech patterns to teaching situationally conditioned cross-cultural communication in conditions of non-native speech environment.

Key words and phrases: linguo-culturology; language habits; speech patterns; communication situation; non-native speech environment; natural language environment; Russian language as foreign one.

УДК 801.6

Филологические науки

В статье раскрывается значимость пейзажа как средства оценки окружающей, прежде всего, социальной реальности в экспрессионистском художественном мире. Применительно к произведениям, относящимся к данному направлению, отмечается значительный текстокогерентный потенциал описания фитонимов, зоонимов, а также объектов неживой природы.

Ключевые слова и фразы: когерентность текста; экспрессионизм; прагматика художественного текста; фитонимы; зоонимы.

Борисов Аркадий Александрович, к. филол. н.
Северо-Кавказский федеральный университет
arka.dij@mail.ru

ЭКСПРЕССИОНИСТСКИЙ ВАРИАНТ ИСТОЛКОВАНИЯ РОЛИ ПРИРОДЫ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ[©]

Экспрессионизм вступает на сцену мировой художественной жизни в начале XX в. Данное направление получило широкое распространение как в русской, так и в немецкой литературе указанного периода, поэтому

пейзажные описания, выполненные мастерами художественного слова в поэзии и прозе, которые проникнуты экспрессионистскими мотивами, были избраны объектом нашего анализа. Изображение природы у экспрессионистов обусловлено особенностями их художественного метода, на которых, исходя из упомянутых соображений, хотелось бы остановиться более подробно.

В литературоведческих исследованиях отмечается, что характерной чертой экспрессионизма было гиперактивное выражение писателем своего отношения к описываемым событиям, причем оно осуществлялось в страстной, взволнованной форме. Видный теоретик литературы В. Воррингер так писал о назначении экспрессионистского искусства: «Глубочайший смысл всего экспрессионистского искусства... в попытке провалиться к Богу через все проволочные заграждения законов природы» [цит. по: 8, с. 210]. Такой подход во многом способствовал особому видению окружающей действительности: «...Экспрессионизм не выстраивает двух параллельных миров – «видимого» и «глубинного», а рассматривает бытие как нерасчленимое единство внешнего и сущностного, случайного и закономерного. Действительность для экспрессиониста – воплощенный парадокс, она загадочна, ибо таит в себе, а не зеркально отражает некий —высший» смысл... Сущность бытия проявляется через банальные атрибуты повседневности» [7, с. 17].

Одним из таких «атрибутов повседневности» в художественном пространстве рассматриваемого литературного направления, бесспорно, является пейзаж. В большинстве случаев он сопровождает повествование о различных катаклизмах в жизни людей: войны связываются со стихийными природными явлениями [17, с. 112]. При этом природа как бы вторит миру людей, что эксплицируется на языковом уровне при помощи использования резких диссонансов, патетики и гротеска.

Рассмотрим примеры обозначенных выше приемов достижения концептуальной когерентности русскоязычного и немецкого художественного текста, при использовании которых вступает в игру мир природы и мир человеческих страстей.

Типичным образцом подобной экспрессионистской «поэзии катаклизмов» является стихотворение В. Клемма «Битва на Марне». Вот пейзажное описание, находящееся в его экспозиции:

Langsam beginnen die Steine sich zu bewegen und zu reden. // Die Gräser erstarren zu grünem Metall. Die Wälder // Niedrige, dichte Verstecke, fressen ferne Kolonnen. // Der Himmel, das kalkweiße Geheimnis, droht zu bersten. // Zwei kolossale Stunden rollen sich auf zu Minuten. // Der leere Horizont bläht sich empor [22, S. 98]. – *Ожили камни, дрогнули, ворочают языками, // травы грозят зеленым железом. Леса // разлапили западни, жрут колонны. // Небес известковая тайна трещинами трубит. // Два титанических часа раскатываются на минуты. // Адовой пустотой вспучило горизонт* [16, с. 140].

Природа, изображенная в данном стихотворении, также грозна и жестока, как и битва на Марне, о которой повествуется далее. Формированию подобных ассоциаций у читателя способствует, прежде всего, выбор лексики. Особенно показательны в этом отношении метафоры *травы грозят зеленым железом* (дословный перевод: «камни превратились в зеленый металл» – А. Б.), *небес известковая тайна, леса жрут колонны*, а также эпитет *der leere Horizont* (дословный перевод: «пустой горизонт» – А. Б.). Метафорично и само название антологии, где собраны наиболее значимые образцы экспрессионистской литературы «Сумерки человечества» (Menschheitsdämmerung), что, исходя из сказанного выше, можно рассматривать как концептуальную метафору всего экспрессионистского мировидения.

В русской экспрессионистской поэзии также звучат подобные мотивы мрачного, печального пейзажа. В стихотворении Б. Земенкова «Дикая Дивизия 1919 г.» мы встречаем следующую картину природы, на фоне которой разворачиваются события гражданской войны, где принимала участия названная в заголовке стихотворения дивизия:

За плетень леса в ночь уплывают облаков налимы.

Перхоть снега расшита теплушек ожогом.

Тело, разубранное в шатер черкески, никем не любимо.

Вечер наклонился сердитым догом.

Грусть об освещенных улиц лисьих хвостах

Мочаль дороги расчесывают извозчиков мыши.

Кустарник, кустарник на седых холмах,

Как волосы у мужчины живота пониже [10].

Мрачный военный пейзаж (*перхоть снега, кустарник на седых холмах*), оживленный эпатажным сравнением (*как волосы у мужчины живота пониже*), включает также множество наименований природных реалий, обозначающих субъективные впечатления автора, для которого природа выступает в роли своеобразного зеркала, сквозь которое воспринимается окружающая реальность (*облаков налимы, грусть об освещенных улиц лисьих хвостах, мочаль дороги расчесывают извозчиков мыши*). И в других стихотворениях Б. Земенков стремится через внешние знаки, называющие природные реалии, выразить ужас убийства. Как правило, это метафоры, с помощью которых «концептуализируются представления о человеке и мире его переживаний» [13, с. 100]: *волчи ягоды крови на кишках этих строк, гранат картофель всеялся в борозды* [10].

В экспрессионистских произведениях М. А. Булгакова при помощи подбора мрачных природных объектов осуществляется косвенная оценка описываемой советской постреволюционной действительности. К примеру, не случайно, с нашей точки зрения, что профессор Персикив из его повести «Роковые яйца» изучает именно жаб и голых гадюк, т.е. тех представителей фауны, которые вызывают в сознании человека самые неприязненные

ассоциации. Красный луч, открытый Персиковым, бесспорно, метафорический намек на красный новый революционный порядок, делает этих изучаемых профессором гадов еще многочисленнее и агрессивнее:

Опыты дали потрясающие результаты... В течение 2-х суток из икринок вылупились тысячи головастика. Но мало того, в течение одних суток головастики выросли необычайно в лягушек, и до того злых и прожорливых, что половина их была тут же перелопана другой половиной. Зато оставшиеся в живых начали вне всяких сроков метать икру... [5, с. 592].

Подобный художественный прием, когда описываемая денотативная ситуация негативно оценивается посредством акцентирования мрачных элементов пейзажного описания, мы находим и в булгаковской «Дьяволиаде». Здесь в фокус критического рассмотрения автора попадает порожденный советской властью бюрократизм. К примеру, вот какая погода сопровождает начало мытарств товарища Короткова по бюрократическим инстанциям:

Наступили сумерки, и редкий мокрый снег пошел с неба [4, с. 521].

Как видно из примера, данное событие происходит на фоне одного из самых неприятных погодных явлений, что имплицитно оценивает его авторскую оценку. Не изменяется общая тональность пейзажа и в конце повести:

Перед Коротковым сразу открылось чудосочное солнце над самой головой, бледненькое небо, ветерок и промерзший асфальт [Там же, с. 542].

Природа представлена здесь такой же слабой (*чудосочное солнце, бледненькое небо, ветерок, промерзший асфальт*), как и человек перед лицом бюрократической машины.

Похожий способ связывания изображения природы с концептом «Бюрократизм», обеспечивающий текстовую когерентность, мы встречаем и в произведениях Ф. Кафки. Например, его роман «Замок» о бесконечных странствиях землемера в поисках подступа к замку и «тонущего» во всевозможных бюрократических формальностях начинается со следующей пейзажной зарисовки:

Es war spät abends, als K. ankam. Das Dorf lag in tiefem Schnee. Vom Schloßberg war nichts zu sehen, Nebel und Finsternis umgaben ihn, auch nicht der schwächste Lichtschein deutete das große Schloß an [20]. – *К. прибыл поздно вечером. Деревня тонула в глубоком снегу. Замковой горы не было видно. Туман и тьма закрывали ее, и огромный Замок не давал о себе знать ни малейшим проблеском света* [14].

В другом романе этого же писателя «Процесс», где в фокусе авторского внимания находится тема судебного бюрократизма, делающего простого человека ничего не значащим «винтиком», природа представлена весьма скупо, лишь на картине, которую рассматривает главный герой К.: *«Eine Heidelandschaft», sagte der Maler und reichte K. das Bild. Es stellte zwei schwache Bäume dar, die weit voneinander entfernt im dunklen Gras standen. Im Hintergrund war ein vielfarbiger Sonnenuntergang* [21]. – *Стенной пейзаж, - сказал художник и протянул К. холст. На нем были изображены два хилых деревца, стоящих поодаль друг от друга в темной траве. В глубине сиял многоцветный закат* [15].

В приведенных двух пассажах из экспрессионистских произведений Ф. Кафки выделенные реалии формируют мрачный, темный, пустынный пейзаж, текстокогерентная функция которого сходна с описанной выше применительно к рассмотренным повестям М. А. Булгакова.

Социальный критицизм при изображении природы в произведениях русских и немецких писателей-экспрессионистов простирается, однако, намного шире, чем осуждение социальных катаклизмов (войн, революций и их сопутствующих явлений). Он направлен против «машинной цивилизации», основанной на решительном преобразовании природной среды «Наша машинная цивилизация хочет отнять у человека душу. Никогда еще мир не был таким безмолвным, человек таким жалким. Никогда еще ему не было так страшно. В искусстве человек начинает кричать, спасая свою душу. Этот крик и есть экспрессионизм» [3, с. 453].

Одним из самых ярких экспрессионистских произведений, посвященных описанию противостояния человека и природы, является «Панамский канал» И. Голля. Данное стихотворение в прозе начинается пространством описанием девственной природной идиллии, которая существовала до начала работ по строительству канала:

Noch lagen die Jahrhunderte des Urwalds mitten zwischen den Meeren. Mit goldenen Zacken ausgeschnitten die Golfen und Buchten. Mit zähem Hammer zerschlug der Wasserfall die gestemmt Felsen. // Die Bäume schwollen in den sinnlichen Mittag hinein. Sie hatten die roten Blumenflecken der Lust. Schierling schäumte und zischte auf hohem Stengel. Und die schlanken Lianen tanzten mit weit offenem Haar. // Wie grüne und blaue Laternen huschten die Papageien durch die Nacht des Gebüschs. Tief im fetten Gestrüpp rodete das Nashorn. Tieger kam ihm bruderhaft entgegen vom Flußlauf. // Feurig kreiste die Sonne am goldenen Himmel wie ein Karussell. Tausendfältig und ewig war das Leben [19, S. 339]. – *Столетия перевозданного леса еще возлежали, омытые // океанами. Золотыми зубцами изрезаны заливы и // бухты. Тяжким молотом разбивал водопад // беззащитные скалы. // Деревья плыли в полуденной неге, одетые алыми // листьями вождельня. Болиголов пенился и // трепетал на высоком стебле. Гибкие лианы // пускались в пляс, разметаив длинные волосы. // Синими и зелеными фонарями качались в пугающей // тьме говорливые попугаи. Сочную грязь, // облепившую корневища, разгребал носорог. // Со стороны водопоя к нему по-братски // приближался тигр. // Солнце кружилось по золотому небу огневеющей // каруселью. Жизнь была тысячелетней и вечной* [6, с. 168].

Для приведенного выше описания природы характерны эпитеты, выражающие идиллические взаимоотношения в мире природы *по-братски приближался тигр, алые листья вождельня, деревья плыли в полуденной неге (в оригинале: «in den sinnlichen Mittag hinein» – дословно: «в чувственный полдень» – А. Б.)*. Контраст такому богатству, разнообразию и самодостаточности мира природы образует описание тех жалких людей, которые вторгаются в ее царство:

Da kamen die langen, langsamen Arbeitstrupps. Die Auswanderer und die Verbannten. Sie kamen mit Kampf und mit der Not [19, S. 339]. – Но вот потянулись унылые вереницы унылых // работников. Изгнанники и изгой. Гонимые // горем и нуждой [6, с. 168].

Такой же жалкой становится и природа после того, как она претерпела преобразование, выполненное этими человеческими руками:

In ein Siechbett verwandelten sie die Erde... Und die Wolken der Moskitos wirbelten um die Sonne. // Kein Baum mehr rauschte. Kein Blumenstern blühte mehr in dieser Lehmhöhle. Kein Vogel schwang sich in den verlorenen Himmel [19, S. 339]. – Земля превратилась в поле погибели... Черные тучи москитов вились на солнце. // Деревья не шелестели ветвями. Цветы не росли в // глиняно-бурой геенне. Птицы пропали с потерянного людьми небосвода [6, с. 168].

Из приведенного примера видно, что автор пользуется стилистическим приемом антитезы, противопоставляя пейзаж природы девственной и природы, преобразованной людьми. Можно выделить ряд антонимических пар, характеризующих описываемый пейзаж «до» и «после» соприкосновения с ним человека:

	Идиллический пейзаж до начала строительства канала	Мрачный пейзаж во время строительства канала
Растения	<i>Деревья</i> плыли в полуденной неге, одетые алыми // листьями возделенья. <i>Болиголов</i> пенился и // трепетал на высоком стебле. <i>Гибкие лианы</i> // пускались в пляс, разметав длинные волосы.	<i>Деревья не шелестели ветвями. Цветы не росли в // глиняно-бурой геенне</i>
Животные	<i>Сочную грязь, // облепившую корневища, разгребал носорог. // Со стороны водопоя к нему по-братски // приближался мугр.</i>	<i>Und die Wolken der Moskitos wirbelten um die Sonne.</i>
Птицы	<i>Wie grüne und blaue Laternen huschten die Papageien durch die Nacht des Gebüschs.</i>	<i>Птицы пропали с потерянного людьми небосвода</i>

Еще одним символом разлада в отношениях человека и природы в немецкой экспрессионистской поэзии является урбанизация, экспансия города, его бездушие. Данная тема наиболее ярко прослеживается в стихотворении Й. Р. Бехера «Берлин». Он пользуется броским приемом, характерным для поэтики экспрессионизма, так называемым «нанизыванием образов», каждый из которых у него «занимал одну строку и казался сам по себе бессмысленным и странным, а вместе они подчинялись капризу автора, заставлявшего соседствовать забавную чепуху и всемирные катастрофы» [11, с. 63]. Самые разноплановые детали пейзажа сопологаются в линейном порядке, делая возможной экспликацию мотива одиночества человека в большом городе:

Maultiere brechen hart von schartigem Messergrate. // Lawinen übertünchen uns mit Liebe weißem Fächer. // Wildbächer überblitzen noch der Brücken Drahte. // Geysire platzen aus der brüchigen Felsen Köcher. // Wir sanken morgens in der Spalten grüne Kammern. // Wir tauchten mittags ein in Gletschermühle Becken. // Es sauste nieder des Erdrutsches Keulenhämmer. // Des Winters Sturm riß uns aus wohllichem Verstecke. // In Höhlenlöchern warteten die zarten Wunder. // Mit Gersten schlugen wir uns Labung aus dem Stein. // Wir stürzten ab mit nasser Büschel Fleckenschrunde. // Wir starben in den Kelchen der Enziane klein [18, S. 52-53]. – Колючей водорослью мулов рвет и пучит. // Лавины льда раскрыли страсти белый веер. // Вода уж там, где были мостики навьючены. // Из камня кипятком крутым плюется ветер. // Мы пали ниц в зеленых норок камеры. // Мы в полдень всплыли вверх в водовороте глетчера. // Свалил землетрясений молот многих замертво. // Ждать, кроме новых вьюг и ураганов нечего. // В промежности пеицер таящееся чудо. // Хлыстами выжгли мы усладу из камней. // Мы упали в ночь с кустарником зачуханным. // Мы умирали в чашках уличных лилий [2, с. 191].

В плане экспликации мотива отчужденности человека в процитированном отрывке показателен выбор природных объектов: все они вызывают мрачные негативные ассоциации в сознании реципиента стихотворного текста:

- **растения:** зачуханный кустарник, горечавка («*Enziane*» – в русском переводе передано описательно «*лилия*» – А. Б.);
- **атмосферное явление:** вьюга (*des Winters Sturm*);
- **природные катаклизмы, необычные экзотические объекты:** лавины, «дикие» ручьи («*Wildbächer*» – в русском переводе передано описательно «*вода*» – А. Б.), глетчер, землетрясение.

Такой подбор явлений природы отлично гармонирует с фитонимической концептуальной метафорой (*Berlin! Du weißer Großstadt Spinnerungeheuer!* [18, S. 53]. – Берлин Священный град паучьего величья! [2, с. 192], образуя коммуникативно-прагматическую когерентность рассматриваемого поэтического текста: Берлин действительно велик и прекрасен, но он, согласно авторской интенции, как паук, который привлекает человека в свои сети, чтобы потом уничтожить.

Для русской экспрессионистской поэзии, напротив, типичным является описание мрачности деревенского пейзажа, коррелирующей с безысходностью тяжелой народной доли. Краски подобного изображения окружающего ландшафта намеренно сгущены, что, впрочем, вполне типично для экспрессионизма, как и связывание такого художественного приема с анализом социальных мотивов: «Экспрессионизм намеренно деформирует действительность под воздействием бурных эмоциональных переживаний субъекта, имеющих чаще всего социальную основу» [12, с. 212]. Вот типичный для описываемого художественного направления контраст описания природы и выводы социального характера:

Те же росы, откосы, туманы, // Над бурьянами рдяный восход, // Холодеющий шелест поляны, // Голодающий, бедный народ [1];

Журавель кривой подьмет, // Слово палец, шест. // Сердце оторопь объемлет, // Очи темень ест. // При дороге в темень сухо // Чиркает сверчок. // За деревней тукнет глухо // Дальний колоток. // С огородов над полями // Взмоется лоскут. // Здесь встречаются дни за днями: // Ничего не ждут. // Да заря багровым краем // Над бугром стоит. // Злое поле жутким лаем // Всхлипнет; и молчит [Там же].

Колоритные детали в обоих приведенных выше отрывках (*откосы, туманы, бурьян, холодеющий шелест поляны, журавель кривой, сверчок, злое поле*) обладают негативной модальной окраской, сближающей их с описанием деревенской жизни, далекой от идиллии (*Голодающий, бедный народ; Здесь встречаются дни за днями: // Ничего не ждут*), что обеспечивает связность основных текстовых концептов.

Для русского экспрессионизма, как и для немецкого (см. «Панамский канал» И. Голля), характерной особенностью является проблема взаимоотношений человека и окружающей его среды. Так, Е. Замятин в своем романе «Мы» рисует картины утопической страны будущего, основанной на принципе деперсонализации и деиндивидуализации. Таким преобразованиям подвергается и природа в восприятии таких «людей будущего»:

1) *Весна. Из-за зеленой стены с диких невидимых равнин, ветер несет желтую медовую пыль каких-то цветов* [9, с. 15];

2) *Все новое, стальное: стальное солнце, стальные деревья, стальные люди* [Там же, с. 44];

3) *На улице. Ветер. Небо из несущихся чугуновых плит* [Там же, с. 147].

Природа, представленная в текстовых фрагментах, приведенных выше, либо крайне деперсонализирована (Пример 1), либо уподобляется бездушной технике (Примеры 2 и 3). Таким образом достигается созвучие, гармонизация изображения пейзажа и ключевых концептуальных смыслов данного художественного произведения, что делает текстовое целое когерентным в коммуникативно-прагматическом плане.

Что касается ареала зоонимов, фитонимов и других обозначений явлений мира природы, используемых писателями-экспрессионистами в целях выражения содержательно-концептуальной оценки описываемой денотативной ситуации и тем самым обеспечения коммуникативно-прагматической когерентности создаваемого ими текстового целого, то здесь наблюдается необычайное разнообразие: в описаниях использованы как местные, так и экзотические природные реалии (особенно это типично для немецкого экспрессионизма).

Такое разнообразие задействованных в текстах природных объектов свидетельствует о значимости пейзажа как средства оценки окружающей, прежде всего социальной, реальности, в экспрессионистском художественном мире. Поэтому мы можем говорить применительно к произведениям, относящимся к данному направлению, о значительном текстокогерентном потенциале описания фитонимов, зоонимов, а также объектов неживой природы.

Список литературы

1. **Белый А.** Пепел [Электронный ресурс] // Белый А. Соч.: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_0102.shtml (дата обращения: 25.04.2013).
2. **Бехер Й. Р.** Берлин // Сумерки человечества: лирика немецкого экспрессионизма. М.: Московский рабочий, 1990. С. 191-193.
3. **Боричевский Е.** Философия экспрессионизма // Русский экспрессионизм. Теория. Практика. Критика / сост. В. Н. Терехина. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 451-456.
4. **Булгаков М. А.** Дьяволиада // Булгаков М. А. Собачье сердце. М.: ЭКСМО, 2006. С. 505-543.
5. **Булгаков М. А.** Роковые яйца // Булгаков М. А. Собачье сердце. М.: ЭКСМО, 2006. С. 581-659.
6. **Голь И.** Панамский канал // Сумерки человечества: лирика немецкого экспрессионизма. М.: Московский рабочий, 1990. С. 168-172.
7. **Дранов А. В.** Поэзия экспрессионизма (к вопросу о методе). М.: МГУ, 1980. 138 с.
8. **Дудова Л. В., Михальская Н. П., Трыков Н. П.** Модернизм в зарубежной литературе. М.: Флинта; Наука, 2001. 240 с.
9. **Замятин Е. И.** Мы // Замятин Е. И. Мы: роман, рассказы, литературные портреты. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1990. С. 14-167.
10. **Земенков Б.** ДикаЯ Дивизия и другие стихотворения [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru:81/arion/1998/1/> (дата обращения: 25.04.2013).
11. **История немецкой литературы.** М.: Радуга, 1986. Т. 3. 464 с.
12. **История русской литературы.** Ставрополь: СГУ, 2004. Ч. 1. 318 с.
13. **Калашникова Л. В.** Мегафора – средство познания мира и виртуализации действительности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 99-101.
14. **Кафка Ф.** Замок [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/KAFKA/zamok.txt> (дата обращения: 25.04.2013).
15. **Кафка Ф.** Процесс [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/KAFKA/process.txt> (дата обращения: 25.04.2013).
16. **Клемм В.** Битва на Марне // Сумерки человечества: лирика немецкого экспрессионизма. М.: Московский рабочий, 1990.
17. **Рабкина Н. В.** Смерть как составная часть пейзажа войны // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. II. С. 111-114.
18. **Becher J. R.** Berlin // Menschheitsdämmerung: ein Dokument des Expressionismus. Leipzig: Reclam, 1972. S. 52-55.
19. **Goll I.** Der Panamakanall // Menschheitsdämmerung: ein Dokument des Expressionismus. Leipzig: Reclam, 1972. S. 339-342.
20. **Kafka F.** Das Schloss [Электронный ресурс]. URL: http://www.booksbooksbooks.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=728:-20-&catid=2:deutsch&Itemid=4 (дата обращения: 25.04.2013).
21. **Kafka F.** Der Prozess [Электронный ресурс]: URL: http://www.booksbooksbooks.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=728:-20-&catid=2:deutsch&Itemid=4 (дата обращения: 25.04.2013).
22. **Klemm W.** Schlacht an der Marne // Menschheitsdämmerung: ein Dokument des Expressionismus. Leipzig: Reclam, 1972.

EXPRESSIONIST VARIANT OF NATURE ROLE INTERPRETATION IN PRAGMATIC DIRECTION IMPLEMENTATION IN WORKS OF FICTION

Borisov Arkadii Aleksandrovich, Ph. D. in Philology
North Caucasian Federal University
arka.dij@mail.ru

The author reveals the importance of the landscape as a means of estimating environmental, above all, social reality in expressionist artistic world, and with regard to the works related to this direction mentions the significant text-coherent potential of the description of phytonyms, zoonyms, as well as inanimate objects.

Key words and phrases: coherence of text; expressionism; pragmatics of literary text; phytonyms; zoonyms.

УДК 8

Филологические науки

Статья раскрывает основные способы словообразования терминов предметной сферы альпинизм в английском языке. Рассматривается корпус в количестве 1260 лексических единиц, куда были отобраны как собственно термины, так и профессиональные жаргонизмы. Представлены продуктивные модели образования одно-, двух-, трех- и четырехкомпонентных единиц изучаемой терминологии. Основное внимание уделяется также анализу образования терминов в рамках когнитивного подхода. В статье проводится анализ терминов-метафор, эпонимов, заимствованных терминов, в основе которых лежит звукоподражание, а также терминов-сигналов и терминов-команд.

Ключевые слова и фразы: терминосистема альпинизма; термин; профессиональный жаргонизм; словообразование; метафора; эпонимы; заимствования; звукоподражание.

Бригиневич Валентина Евгеньевна

Пятигорский государственный лингвистический университет
valentina.briginevich@gmail.com

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ, ВХОДЯЩИХ В ТЕРМИНОСИСТЕМУ ПРЕДМЕТНОЙ СФЕРЫ «MOUNTAINEERING» (АЛЬПИНИЗМ) (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) ©

Альпинизм, являясь относительно молодым видом спорта, заимствовал часть объектов и понятий из других сфер деятельности человека. Так, многие узлы, используемые альпинистами, взяты из морского дела. Большая часть терминов, используемых для обозначения рельефа, перенята из терминологии физической географии. Однако сегодня можно совершенно справедливо утверждать, что альпинизм является отдельно оформившимся видом спорта, обладающим уникальной терминологией. В частности много новых терминов появилось в связи с созданием разнообразных видов снаряжения, а также комплекса технических приемов, используемых в восхождениях.

Способы терминообразования в сфере альпинизма достаточно разнообразны: аффиксация, словосложение (сложение основ), метафорический перенос, конверсия, звукоподражание, заимствование, аббревиация.

